

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

I.

Въ далекомъ Китаѣ.

(Письмо изъ Пекина).

Послѣ пятимѣсячной отлучки въ Россію по дѣламъ миссіи, преосвященный епископъ Иннокентій, начальникъ православной миссіи въ Китаѣ, возвратился къ своей паствѣ. Какъ въ самомъ Пекинѣ, такъ и въ другихъ пунктахъ Китая, гдѣ заброшены сѣмена православія, ожидали его прибытія. Ожидали его и въ Крестовоздвиженскомъ скиту, что въ Западныхъ горахъ близъ Пекина. За недѣлю еще завѣдующій скитомъ, іеродіаконъ Орентій просилъ помощи изъ братіи Успенскаго монастыря и при ихъ содѣйствіи убрали садъ и привели въ порядокъ, въ праздничный видъ, всѣ дворы скита; а тутъ и уборка хлѣба подоспѣла,—просо, кукуруза, горохъ. Все постепенно сносилося на токъ, молотилось тамъ и распредѣлялось по сортамъ и по предметамъ, что въ кладовыя, что подъ навѣсъ или въ копны. Работа кипѣла. Небольшое хозяйство скита, раскинувшася у подошвы горъ и окруженнаго миссійскимъ участкомъ въ шестьдесятъ десятинъ, заключало въ себѣ чуть ли не всѣ виды земледѣлія. Есть тутъ и овцы и рогатый скотъ; всего понемногу.

Наступилъ давно желанный день,—30-ое сентября. Въ четвертомъ часу дня Владыка прибылъ въ скитъ и былъ встрѣченъ колокольнымъ звономъ и всею братією скита, ожидавшею внизу каменной лѣстницы, ведущей въ главныя ворота. Скитъ устроенъ здѣсь всего четыре года тому назадъ и являетъ видъ благоустройства и уютной тихой пристани,

гдѣ и дышется легко и мѡлтва теплѣе и трудъ живительнѣе, чѣмъ въ многолюдномъ и шумномъ Пекинѣ. Владыка, устроившій этотъ скитъ, является и хозяиномъ его и жильцомъ, инициаторомъ и исполнителемъ каждаго предпріятія. Каждая вещь здѣсь имѣетъ свое мѣсто и назначеніе съ его благословенія. Вотъ почему ему и устроена была радушная встрѣча. Христіане китайцы толпою собрались у воротъ, чтобы принять архипастырское благословеніе, а сколько ихъ еще ожидало во дворѣ и у церкви! Вечеромъ за богослуженіемъ полна была ими церковь, не смотря на то, что было уже поздно, небо хмурилось и возвращаться изъ скита въ деревню было нелегко. Ночью пошелъ дождикъ, продолжавшійся почти весь слѣдующій день. Но жизнь скита продолжалась въ своемъ порядкѣ. Также рано пастиухи-мальчики выгоняли овецъ и козъ на траву, рабочіе сѣяли и заволакивали озимую пшеницу. Тамъ рыли картофель; здѣсь сушили земляные орѣхи...

Около полудня пріѣхали изъ Пекина протодіаконъ о. Василій Дэ съ пѣвчими, большею частію семинаристами. Устроена была спѣвка, катехизаторъ готовилъ поученіе, послушники убирали храмъ цвѣтами полевыхъ травъ.

Въ канунъ Покрова совершенно всеношное бдѣніе въ присутствіи Владыки при большомъ стеченіи молящихся.

А на утро литургія архіерейскимъ служеніемъ начата съ 7 часовъ и продолжалась болѣе часа. Стройное пѣніе, во всемъ порядокъ и благочиніе, торжественность литургіи; все это привлекало китайцевъ. Они внимательно выслушали поученіе о Покровѣ Пресвятыя Богородицы, вникая мыслію въ чудное видѣніе блаженнаго Андрея и его разговоръ съ Епифаніемъ,—ученикомъ, оказавшимся достойнымъ своего учителя.

По окончаніи литургіи, послѣ нѣкотораго перерыва, сформировался крестный ходъ, чтобы итти на гору для освященія колодца и часовни. Шествіе во главѣ со Владыкой двинулось изъ храма черезъ каменную площадку, на которой нѣкогда возвышалась кумирня, потомъ черезъ садъ и западную калитку направилась пашнями мимо недоконченной угольной шахты, а затѣмъ повернуло къ горамъ и стало подыматься по извилистой дорожкѣ, нарочно прочищенной въ высокой травѣ и скользившей по бокамъ горныхъ отро-

говъ, то вбираясь на нихъ, то спускаясь къ сторонамъ овраговъ. Трогательное зрѣлище представлялъ этотъ крестный ходъ, заброшенный въ такой дали отъ христіанскаго міра, въ горахъ, гдѣ тамъ-и-сямъ видны капища и много развалинъ древнихъ кумирень и монастырей. Прекрасный солнечный день, тихое колебаніе хоругвей, блескъ крестовъ и иконъ, праздничныя облаченія духовенства, стройное пѣніе

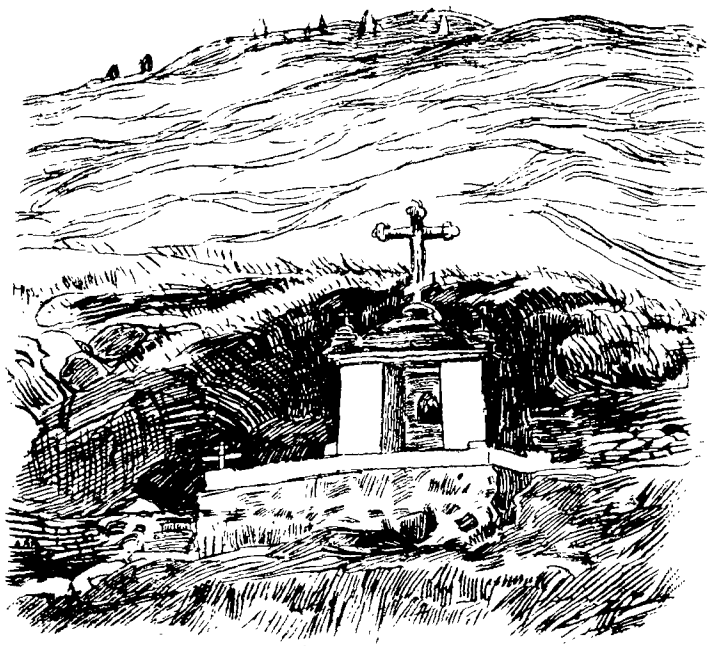

семинаристовъ - китайцевъ, пѣвшихъ всю дорогу по-русски стихиры богородичны на малое освященіе воды, наконецъ толпа христіанъ, сопровождавшая шествіе, растянувшееся на версту. Все это при обстановкѣ окружающихъ холмовъ производило неотразимое дѣйствіе на душу. Впереди насъ на самомъ верху горной гряды былъ виденъ крестъ, водруженный ранѣе, при основаніи скита; отъ него въ обѣ сто-

роны виднѣлись бѣлыя столбы ограды, окружающей всю скитскую землю. Крестный ходъ подымался все выше и выше... Но неужели тамъ, на такой высотѣ возможно найти воду, возможно устройство колодца? Но что поеть въ псалмѣ Давидъ: „На горахъ станутъ воды. Дивны дѣла Твои Господи!“ Приходимъ на мѣсто, и что же? Дѣйствительно—колодець, полный воды и она всего на сажень отъ поверхности земли. Мѣсто это, окруженное съ трехъ сторонъ крутыми горными отрогами и представляющее долину, обработанную въ видѣ нѣсколькихъ площадей, спускающихся уступами къ востоку. На верхней площади, гдѣ и былъ колодець, видны развалины древняго буддѣйскаго женскаго монастыря, который и пользовался этимъ колодцемъ. Въ прошлыхъ вѣкахъ монастырь опустѣлъ и колодець засорился и сравнялся съ окружающей его грудой развалинъ. Между тѣмъ какъ современные намъ насельники горъ, крестьяне хлѣбопашцы, очень нуждаясь въ водѣ, почему-то не догадались разрыть колодець, думая вѣроятно, что онъ слишкомъ глубокъ и небогатъ водою. Теперь же братія скита открыли этотъ колодець, нашли въ немъ сильную струю чистой, сладкой воды и приурочили его открытіе къ прѣзду Владыки, чтобы торжественно освятить его для всеобщаго употребленія. Теперь, благодаря этому колодцу вся мѣстность вокругъ оживится, а нижнія террасы будутъ обработаны подъ огородъ, какъ это было въ древности на этомъ же мѣстѣ. Исторія повторяется; только теперь уже земля будетъ обрабатываться не язычниками, а братіей скита. Когда крестный ходъ расположился вокругъ колодца и служеніе молебна продолжалось, хоръ кузнециковъ въ высокой сухой травѣ вторилъ нашему хору, порою заглушая его...

Окончилось водоосвященіе, крестный ходъ двинулся къ часовнѣ. Часовня эта, прислоненная къ высокому каменному обрыву на верху холма, съ котораго открывался чарующій видъ на равнину, усѣянную деревнями, рощами, перерѣзанную дорогами, полями и сливающуюся на горизонтѣ въ одно зеленѣющее море деревъ, гдѣ въ мгlistой дали выступаютъ тускляя очертанія башенъ и воротъ Пекина, а также верхушки дворцовъ и пагодъ, означающихъ огромное пространство, занимаемое столицей Китая. Глазъ окидываетъ въ другую сторону, на востокъ, холмы, увѣчанные

дворцами и мавзолеями государей цинской династіи, а у подножія этихъ холмовъ сверкаетъ зеркальная поверхность искусственныхъ озеръ, обрамленныхъ рощами и садами. Еще ближе видны причудливые верхи капищъ, а ближе разворачивается панорама скита, тонушаго въ зелени деревь. У подножія же холма разстилаются террасы огородовъ, и изумрудная зелень поздней капусты смѣняется узкими полосками темнокоричневой зелени индиго. Вотъ на такомъ-то

холмѣ стоялъ въ открытомъ кіоскѣ идолъ Будды изъ сѣраго камня. Еще и теперь у подошвы холма видны обломки его, а теперь кіоскъ обдѣланъ въ видѣ часовни съ однимъ большимъ крестомъ на крышѣ и двумя малыми крестами по угламъ, на маленькихъ главкахъ. Предъ часовней разстлана крыльцо или открытая веранда, съ которой виденъ скитъ съ прилегающими къ нему землями, пашнями. Здѣсь-то крестный ходъ и остановился, пока Владыка читалъ мо-

литвы и кропялъ святой водой часовню. Потомъ въ глубинѣ ея, въ нишѣ былъ установленъ образъ Владимірской Божіей Матери, писанной на доскѣ въ мастерской Успенскаго монастыря въ Пекинѣ. Послѣ чего крестный ходъ медленно возвращался при колокольномъ звонѣ по той же дорожкѣ въ скить.

Отпускомъ молебна съ многолѣтіемъ въ церкви закончилось торжество и христіане, принявъ благословеніе епископа Иннокентія, оставляли скить, возвращаясь къ своимъ дворамъ и мирнымъ занятіямъ.

А. А.
